

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЦЕЙТНОТ И ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

В статье обсуждаются проблемы соотношения семантической структуры слова и его содержательного ядра — «лексического прототипа» в условиях реального времени. Выдвигается тезис о том, что на уровне системы языка слово представлено единством образов формы и содержания лексического прототипа.

Не приходится спорить с тем, что большинство существующих представлений о системе языка и функционировании в речи статичны, поскольку вынужденно выстроены, как правило, лишь на наших воспоминаниях о деятельности сознания, генерирующего концепты и кодирующего их для передачи вовне. То же, в обратном порядке, характерно и для восприятия закодированных сигналов и перевода их в концепты. И в том и другом случае превалируют представления о единицах лингвистического содержания как «готовых», имманентно существующих. Это расходится с современными научно-философскими представлениями, согласно которым каждый миг мир «вздрагивает», переходя в новое состояние. Поскольку каждое последую-

щее состояние качественно отлично от предыдущего, в объективном мире нет «готовых предметов» из прошлого, а только все новое, заменяемое следующим новым и так далее¹.

Понять этот механизм на уровне обыденного сознания чрезвычайно трудно, так как для этого нужно «поместить "самого себя" в двух или более точках одновременно»². Это трудно понять еще и потому, что ежесекундные изменения предметов и явлений в большинстве своем не улавливаются органами чувств человека и становятся заметными, доступными для сравнения и осмысления, только через некоторое время благодаря памяти. Ясно, что для того, чтобы что-нибудь понять в этом непрекращающемся беге событий, их надо искусственно

(«как бы») остановить. А остановить их можно, только с помощью памяти, свойства, которым обладает только человек.

Получив от природы это средство осмысления свойств объективного мира «по-своему», «по-человечески», носители языка и его исследователи сделали еще один шаг по дорожке под названием «как бы» — в истолковании реальности они дали волю своему переносному, метафорическому видению. В результате, понятия о ненаблюдаемых явлениях, и времени в том числе, интерпретируются, как если бы они были осязаемыми пространственными формами. Так, оказывается, что время «течет», как вода, а из молодости можно «выйти», и в старость можно «вступить», как в некоторые пространства («контейнеры»). При этом следует помнить, что к подобным упрощениям люди прибегают не в порядке выполнения какого-то объективного требования или осознанного соглашения, а в отчаянных попытках как-то выйти из объективно существующих затруднений для познающего сознания.

Однако попытки «объехать проблему по кривой», которые даже кажутся всем успешными, чреваты возможностью попасть в сети, расставленные фактом использования метода познания через сравнение — переносное толкование и соответствующие переносные значения могут повести за собой по своей логике. Ср.: «За метафорами (в юридической лексике) нужен глаз да глаз, потому что, будучи изначально средством освобождения мысли, они часто становятся средством подчинения ее себе»³.

Таким образом, пытаюсь рассказать о когнитивных и коммуникативных действиях языковой личности, происходящих в какие-то невероятно короткие промежутки, один исследователь может, например, утверждать, что сначала выбирается концепт из ряда других, затем он облекается в такую-то языковую форму, затем знак осмысляется в рамках всего плана высказывания, затем сочетание концепта и формы выходит вовне и т. д., и т. п. Слушающие его при этом согласно

кивают, хотя кто-то в чем-то может быть не согласен с отдельными деталями, но при этом состоится главное — реализуется возможность что-то говорить о языке с помощью хоть какого-то метаязыка.

И тут надо быть настороже, так как со временем в той или иной области лингвистической науки может складываться ситуация, которая выглядит адекватной и разумной. Она кажется и «демократичной», поскольку познание по своей природе субъективно, а предмет исследования достаточно сложный, то право быть выслушанным имеет каждый. В итоге о принятых допущениях, точнее, упрощениях в виде вышеупомянутых переносов, уже никто не вспоминает или даже и не подозревает. Соответствующие подходы рассматриваются как адекватно отражающие реальное положение дел, они тиражируются и становятся частью лингвистического традиционного наследия. Это тем более прискорбно, поскольку вне поля внимания оказываются факторы, действующие при актуализации каждого значения каждого слова. Целью настоящего сообщения является стремление показать, что игнорирование реального положения приводит к созданию теорий, построенных на несуществующих явлениях языка.

В современной лингвистике, по сути дела, наблюдается противостояние двух мнений относительно того, что реально «входит в язык» и «как это работает» в речи. Одни, вслед за Гумбольдтом, **верят**, что язык представляет собой «самодостаточную», «самоорганизующуюся» систему. В нее входит все, что в ней было обнаружено и описано в ходе статичных двухмерных исследований речи. Соответственно, язык представляется как зеркальное отражение речи.

Согласно такому пониманию, для построения конкретного высказывания говорящий, озирая внутренним взором всю систему (или некоторый ее сегмент?), производит отбор необходимых ему слов и их значений. Слушающий, со своей стороны, получает эту информацию в готовом виде и всего лишь «перепровер-

ряет» ее на предмет соответствия условиям речевой ситуации.

Говорящий располагает определенным набором процедур и способов «сборки» слов в предложения, а слушающий имеет свои стратегии интерпретации и связывания значений слов в смысл всего высказывания. Суть подобных представлений сводится к тому, что все разнообразие слов, их значений и их возможных комбинаций — все это актуально и для нашей долговременной памяти, где все это каким-то образом хранится, пока не будет затребовано на уровне речи.

Противоположная линия лингвистической мысли акцентирует внимание, в частности, на асимметрии содержания концептов в системе языка и на уровне речи. Сторонники такого подхода пытаются определить доступными им средствами, какие реальные структуры знаний, используемые в речи, противостоят соответствующим потенциальным структурам на уровне языка. При этом исходят из предположения, что максимальное разнообразие функционирования системы языка на уровне речи не может не быть жестко ограничено реальным операционным временем прохождения речи, и поэтому речевой механизм должен быть оптимальным. По мнению А. Е. Кибрика (выступление по радио), язык не может быть непомерно сложной системой, поскольку ребенок овладевает ею в исторически очень короткий срок. Этот подход перекликается с настойчивыми призывами Р. М. Фрумкиной научиться видеть «всюду-прозрачность» языка⁴. Косвенным подтверждением подобных предположений являются данные, полученные группой лингвистов, изучавших процессы декодирования естественной речи с помощью «человекоподобной» понимающей системы the Understander.

Р. Шенк, М. Лебовиц и Л. Бирнбаум показали, что «...процессы, происходящие (в сознании) человека, носят в высокой степени интегральный характер». По этой причине существующие представления о том, что читающий/слушающий

сначала воспринимает формы всех знаков высказывания, а «затем отсылает ...результаты в блоки логического вывода, не имеют смысла»⁵. Почему? Просто потому, что на это нет времени. Достаточно понаблюдать за своим внутренним миром и его отражением в речи, чтобы заметить, как быстро одна мысль (концепт, значение слова и т. п.) сменяет другую, что хорошо согласуется с тем, что описывают указанные авторы.

В связи с этим делается предположение, что «либо люди используют параллельные процессы, и все происходит буквально в одно то же время, либо (если обработка является последовательной) для указанного типа обработки должно быть сэкономлено время за счет чего-то другого. Этим «чем-то другим» является, вероятно, полная обработка каждого воспринимаемого слова⁶. Иначе говоря, не все слова равноценны с коммуникативной точки зрения. Авторы полагают, что коммуниканты «решают, на что в ходе анализа обратить серьезное внимание, а к чему отнестись небрежно». В качестве «главного своего постулата» авторы принимают, что «вывод умозаключений управляется интересом»⁷.

Необходимо уточнить, что «интересным» в данных условиях оказывается то, как и насколько оправдаются «ожидания» определенных единиц в определенных формах, возникающие в последовательно сужающихся рамках микротекста отдельного высказывания — словосочетание→слово→морфема — по мере его продвижения слева направо. К отгаданной единице, соответственно, интерес тотчас же исчезает, перемещаясь вперед по ходу высказывания. Быстрому продвижению вперед, конечно, способствуют устойчивые пресуппозиции и стереотипы. Так, в предложении *A small twin-engine airplane carrying federal marshals and a convicted murderer who was being transported to Leavenworth crashed during an emergency landing at O'Hare Airport yesterday* слово *carrying*, по мнению авторов, возможно остается вообще незамеченным читателем⁸, так как оно несет тот

же смысл, что и **сочетание** понятий «самолет» и «люди в нем». Неудивительно в данной связи, что, по наблюдениям исследователей, «люди, понимающие текст, зачастую не могут вспомнить те реальные слова, которые они читают. Ведь они, быть может, в действительности и не прочитывали их совсем»⁹.

Итак, при отсутствии необходимости проведения обязательного пословного анализа высказывания слева направо с последующим выводом общего смысла возникает вопрос: что или кто определяет характер и объем интереса к тому или иному компоненту высказывания и/или ко всему предложению? Шенк и соавторы указывают, что это относится к сфере «решений более высокого уровня»¹⁰, который и интегрирует все операции по обработке текста. В результате сознание слушателя/читателя, в принципе, может проводить пословный анализ целиком слева направо, но, как правило, не делает этого, так как «самые важные слова часто будут в конце семантической группы (phrase), (и) все предшествующие слова могут фактически игнорироваться до тех пор, пока их не «соберут вместе» справа налево»¹¹. Но оказывается, что часто нет необходимости дожидаться достижения конца высказывания, поскольку высший интегрирующий уровень сознания постоянно ведет анализ еще и «сверху вниз», т. е. проводит все промежуточные операции с учетом фрейма и актуального сценария.

Так, в предложении *An Arabic-speaking gunman shot his way into the Iraqi Embassy here (Paris) yesterday morning, held hostages through most of the day before surrendering to French policemen and then was shot by Iraqi security officials* из возможных значений глагола *hold* «держат», «содержать в себе», «удерживать» и т. д. приемник тотчас безошибочно выбирает именно последнее, услышав *held hostages* не только благодаря контексту *hostages*, но и с учетом общего сценария «*Terrorism*»¹².

Из всего сказанного можно заключить, что синтаксис целого предложения

играет часто более чем второстепенную роль в декодировании его смысла, и он может быть важен только на уровне словосочетания. Поэтому остается единственное решение: для того, чтобы понять механизм кодирования и декодирования текста, необходимо прежде всего рассмотреть особенности представления семантики слова на уровнях языка и речи.

Необходимость учета условий жесткого коммуникативного цейтнота неизбежно ставит вопрос о соответствии и, что еще интереснее, несоответствии наших плоскостных вневременных представлений о системах конкретных языков, описанных в грамматиках, учебниках, словарях и прочих репрезентациях языка в статике, тому, как виртуальная система конкретного языка функционирует в каждый конкретный момент времени (*on line*).

Поскольку мы оказываемся перед проблемой актуализации конкретного значения и, в частности, отдельного значения полисемантического слова, следует напомнить, что в этом вопросе традиционная семасиология опирается на наблюдаемые факты наличия различных ЛСВ в различных контекстах и их фиксацию словарями. Из этого делается вывод, что актуализация всех подобных значений является результатом их **осознанного выбора** говорящим из некоего «семейства» или семантической структуры слова (ССС), которая хранится в долговременной памяти как единица системы языка. Это, в свою очередь, предполагает выполнения, по крайней мере, двух операций — обзора сознанием отправителя сообщения всей СССР и принятия решения относительно соответствия некоего ЛСВ описываемой речевой ситуации (на фоне несоответствия ей остальных ЛСВ).

Что касается обзора СССР, то мы сразу же сталкиваемся с трудностями, обусловленными коммуникативным цейтнотом. Действительно, для того, чтобы говорящий мог «собрать» и перебрать 90 значений существительного *head* или 45 значений глагола *break* или хотя бы половину их, очевидно, он должен удержи-

вать всю информацию значительное время. Но это не совпадает с имеющимися наблюдениями. «У нас внимание рассеивается по физиологическим и психическим законам, т. е. по законам режима нашей психики... Мы не можем одну и ту же мысль неопределенно долго держать, а, согласно закону, чтобы мысль вообще была, ее держать надо. Ведь вся проблема — вспомнить реально бабушку — это значит, чтобы удержать неопределенно и максимально долго нить ее реального присутствия. А мы не можем»¹³. Вот почему я никак не могу вспомнить, чтобы я когда-либо (за пределами учебной аудитории) вот так держал в фокусе внимания все значения какого-нибудь русского слова и принимал осознанные решения. Не могут, по моим наблюдениям, носители русского языка без подготовки, «навскидку», перечислить все значения любого многозначного слова. Вот почему эта неопределенность в отношении того, как мы постоянно на самом деле выбираем нужные значения, совпадает с наблюдениями психолингвистов о том, что сознание не хранит значения слов в виде «складов»¹⁴. А не держим мы мысль о ССС, значит, и нет этой мысли, значит, нет ССС как реального факта сознания, т. е., в нашем случае, как факта системы языка.

Следовательно, ССС представляет собой чисто теоретическую схему, построенную на основании каталогизации значений, зафиксированных в текстах. Построение некоторой ССС — вполне легитимное занятие. Полученная схема отражает в той или иной степени видение ее автором соотношений репрезентаций содержания единицы на уровне языка и речи, а также отношений мотивированности между ЛСВ. И если она находит поддержку со стороны многих лингвистов, то она может претендовать на «объективность». Подобные схемы весьма полезны в условиях снятого фактора реального механизма актуализации речи в условиях коммуникативного цейтнота, когда наблюдаются только **результаты** (продукт) актуализации, о чем, в частно-

сти, свидетельствуют многие описания ниже. Их использование в сфере преподавания так же ценно и необходимо, ибо только с их помощью можно в спокойной аудиторной обстановке в какой-то степени попытаться приблизиться к реальностям функционирования языка. При этом надо отдавать себе отчет в том, что ССС не есть реальность языка, это лишь средство, с помощью которого исследователь хочет сказать что-то о языке.

Есть ли альтернатива этому подходу? Ее наметку мы находим у тех же авторов, и она опять же примечательна тем, что указывает на то, что некоторые «очень сложные» явления языка иногда выглядят так, потому что для их анализа привлекают неоправданно сложные процедуры.

Так, Шенк и др., ссылаясь на «довольно сложное представление на языке концептуальных зависимостей о семантике глагола want», задают вопрос: на каком основании мы должны полагать, «что человек должен пройти через этап более сложной формы?» и предлагают решение: «глагол want "хотеть" лучше всего представляется на основе связи с понятием цели»¹⁵. Иными словами, очевидно, по их мнению, значение этого глагола сводится к «стремиться к определенной цели» и все. Далее они продолжают: «человек, понимающий текст на естественном языке, руководствуется тем, что он хочет знать (а также тем, что он не хочет знать). Это позволяет ему не замечать всех неоднозначностей, проблем, полисемии, бесчисленных импликаций и других трудностей, кроющихся в том, что он слышит»¹⁶.

В нашем последующем анализе мы вынужденно опустим интересный и, несомненно, важный фактор воли и сконцентрируем внимание на попытке обрисовать связи между реально существующим оптимальным характером процессов актуализации значений и возможной «простотой» механизмов кодирования и декодирования словесных знаков. Представленные здесь кавычки напоминают, что, с одной стороны, явления челове-

ской психики, и языка в том числе, очевидно, никогда не будут поняты до конца. Напомним, что это невозможно, так как для этого нужно «поместить «самого себя» в двух или более точках одновременно» (см. примеч. 2), т. е. поместить себя одновременно в положение объекта исследования, направленного на изучение внутреннего мира человека, и в положение субъекта, изучающего этот мир. С другой стороны, для человека, уже обладающего языком, хотя и не знающего всю его онтологическую подноготную, основные механизмы его **использования** ясны и предсказуемы и, с этой точки зрения, язык прост. Аналогична ситуация с электричеством: абсолютное большинство людей не понимает его физическую природу, но его использование в быту не представляет никаких проблем).

Наблюдая, как стремительно проскакивают в речевом потоке слова, и при этом первом контакте с формой, при прочих равных условиях, не происходит сбоев, можно предположить действие следующих механизмов. Актуальное значение принятой слушающим формы может быть предсказано речевым (context, context of situation) и языковым (context)¹⁷ контекстом. Можно, однако, предположить, что, наоборот, актуальное значение этой формы может быть осмыслено только в результате обратного хода сознания — справа налево. Можно, тем не менее, говорить и о третьей возможности, а именно о том, что сколько бы значений ни ассоциировалось с данной формой, на самом деле с ней всегда и прежде всего связывается ее системное значение. Иными словами, системное значение слова является «лучшим представителем» семантики данной формы на уровне языка, т. е. ее лексическим прототипом¹⁸. Оно опознается как значение данной формы и на уровне речи и служит **затем** основой для вывода актуального значения слова с учетом речевого и языкового **контекста**. В данной ситуации действует принцип: одна форма — одно значение.

Естественно, возникает проблема идентификации системного значения лексической единицы. Возможными кандидатами на данную роль выступают следующие два типа значений. Традиционно прежде всего на это претендуют первые, главные, номинативно-непроизводные значения (ННЗ). Такая позиция подкрепляется тем, что носители языка обычно приводят именно эти значения, когда им предъявляют соответствующие языковые формы.

Так, не вызывает удивления, что на вопросы: что значит «горячий»? What does *hot* mean? ответами, как правило, будут «имеющий высокую температуру» и *having a high temperature*, соответственно. Поэтому в терминах когнитивной лингвистики эти значения являются «лучшими представителями» системной семантики этих прилагательных. По этой причине каждое из них можно назвать «ближайшим лексическим прототипом» слова, так как именно оно первым приходит на ум при предъявлении соответствующей формы.

Исследование прилагательного *hot* И. Б. Левчиной показало, что данное значение действительно является отправным пунктом (семантическим стержнем) деривации всех остальных ЛСВ как в синхронном, так и в диахронном срезе. Его можно было бы считать содержательным ядром всей семантической структуры, если бы формирование других ЛСВ не происходило по механизмам метафоры. Так, в предложении *American radio listener, hot for news and excitement...* не имеется в виду, что у миллионов американских радиослушателей поднимается температура тела, когда они слушают передачи. Сравнение здесь идет по линии (совершенно произвольного) представления о том, что возбуждение слушателей так же превышает некую норму, как понятие «горячее» ассоциируется с максимальной интенсивностью верхней точки температурных условий.

Для вывода содержательного ядра данного прилагательного, которое охватывало бы и метафорические значения,

смысл ближайшего лексического прототипа (ННЗ) приходится расширить с помощью компонента сравнения: *having a high temperature or a feature like high temperature*. Данная дефиниция представляет собой уже следующую ступень обобщения и является семантическим инвариантом всех ЛСВ прилагательного¹⁹. Поскольку это — конструкт, результат осмысления всей семантической структуры под определенным углом зрения, бесполезно рассчитывать услышать именно его в ответ на вопрос: *What does hot mean?* от среднего носителя языка, хотя подобные значения-конструкты для существительных большие словари приводят. Такие инвариантные значения, продукты дальнейшего обобщения, можно назвать «дальнейшими лексическими прототипами»²⁰).

Именно такое единственное значение, очевидно, ассоциируется с формой *h-o-t* в системе языка и является «лучшим представителем» этого слова в системе. Поэтому какое бы из 18 его значений (Heritage) говорящий ни задумывал, он знает, что может рассчитывать только на то, что форма *h-o-t*, принятая слушателем, сама по себе даст сигнал о необходимости сгенерировать только это же системное значение. Далее, помня об этом существенном ограничении, отправитель сообщения должен помочь слушающему создать задуманное им значение и, если оно отличается от системного, то он должен выстроить такой языковой контекст (*co-text*), т. е. окружение слова *hot*, на основе которого слушатель сможет вывести (*infer*) необходимый ЛСВ прилагательного.

Что касается типологии лексических прототипов, то можно предположить, что такая единица, как инвариант (конструкт), может существовать, т. е. осмысляться по-разному, в зависимости от концептуальной картины носителя языка и специфики лексического значения. Так, есть слова с легко устанавливаемыми ННЗ, однако существуют сомнения, что все остальные ЛСВ мотивированы именно первыми значениями. Например, не-

понятно, что общего с человеческим лицом у английского слова *face* в значении «забой» (*the end, as of a mine or tunnel, at which work is advancing*) или значениях *the face of a wall, the face of the sea* и т. п. Тот факт, что солидные словари не видят в этих значениях омонимы, заставляет предположить, что сохранение семантических структур подобных слов как многозначных, не «рассыпающихся» на омонимы, очевидно, обеспечивается в каждом случае наличием содержательного ядра в виде инварианта, удерживающего все отдельные значения слова в рамках единой структуры. Следовательно, эту роль в данном случае выполняет достаточно общее понятие-конструкт: *the front, most important, surface of anything*²¹.

Не следует обольщаться на тот счет, что два выделяемых лексических прототипа — ННЗ и инвариантное значение слова *face* — осознаются обычными носителями языка как «равноправные» и осознанно используются ими в зависимости от коммуникативной установки. Если на уровне речи инвариант практически бесполезен, так как в реальной коммуникации речь, как правило, идет о «лице» как конкретном объекте, то на уровне системы языка ситуация противоположна — поскольку, как было показано выше, по мере развития семантической деривации мотивационные связи с когнитивным образом номинативно-непроизводного значения по мере «удаления» от него прогрессивно ослабляются, именно инвариантное значение, «охватывающее» все ЛСВ слова, служит единственным ядром, цементирующим семантическую структуру многозначного слова.

Более того, роль «лучшего представителя» многозначного слова в системе языка инвариантное значение выполняет у слов, у которых просто нет одного четко выделяемого главного значения (ср. английское существительное *vessel* или глагол *charge*²², русское «земля», по мнению Д. Н. Шмелева).

Функция инвариантного «дальнейшего» лексического прототипа как элемента

системы языка проявляется и в том, что все ЛСВ полисеманта, включая и ННЗ, могут и, судя по всему, действительно образуются от него. Это естественно следует из его обобщенной, абстрактной формы, которую не только удобно хранить в долговременной памяти, использовать для выражения понятий о широком круге чем-то связанных предметов и явлений, но и, можно быть уверенным, возможно будет «натянуть» (ср. английский термин для семантического переноса — *extension*) и на какое-то новое, еще не номинированное понятие.

Таким образом, говорящий, выдавая форму многозначного слова, рассчитывает на то, что на основании принятого на входе в сознание слушающего сигнала будет воспроизведено одно и то же, постоянно ассоциируемое с данной формой содержание — инвариант ССС. Но для вывода задуманного им актуального значения слова говорящий выстраивает необходимый языковой контекст (*co-text*) с тем, чтобы слушающий мог выполнить **свою** долю работы по актуализации этого значения на основе лексического прототипа, языкового и речевого контекста. **В течение** формирования языкового контекста говорящим, а также обратного хода или, по необходимости, нескольких ходов принимающего сознания, обеспечивается время, достаточное для вывода актуального значения.

Таким образом, мы видим, что условия коммуникативного цейтнота ставят жесткие требования к характеру связи между формой и содержанием языкового знака. Они, в частности, определяют связь каждой формы только с одним содержанием как на выходе, так и на входе общающихся сознаний, т. е. системную однозначность языковой формы в момент ее **реального** функционирования. Тем самым обеспечивается унифицированность сигнала, что также очень важно.

Не следует думать, что коммуникативный акт и связанный с ним цейтнот каким-то образом временно «ограничивают», «зажимают» многозначность формы языкового знака, которой «при-

стало» быть многозначной, ибо именно так она выглядит в результате статичного анализа ССС. Отнюдь нет, — в этой ситуации проявляется гармоничное, диалектическое единство природы языкового знака как факта текучего, стремительно движущегося сознания, с одной стороны, и обусловленной ею потребности крайне ограниченного времени для функционирования знака, с другой.

Настоящий подход заостряет внимание и на проблеме возможных соотношений единиц содержания (структур знания) на уровнях языка и речи. Так, вероятно, нельзя однозначно решать вопрос о зеркальности и незеркальности подобных единиц, нельзя считать, что на уровне ненаблюдаемых явлений системы языка «все не так», как на уровне речи, и характер этих отношений видится в следующем.

Реально наблюдаемое разнообразие понятий и их оттенков, связанных с языковыми формами, очевидно представлено на уровне системы языка, т. е. в долговременной памяти, соответствующими обобщенными понятиями неограниченного объема по одной причине, о которой уже шла речь выше — хранить исходную, мотивирующую информацию в обобщенном виде выгоднее, так как она в состоянии, по необходимости, покрыть больше реальных и возможных «точных» частных понятий, но не наоборот. По этой же причине представляется, что если ближайший и дальнейший лексические прототипы одного и того же слова сосуществуют в сознании носителей языка, более вероятным элементом системы является все-таки последний — инвариант семантической структуры.

В речи, однако, естественно, актуализируются и общие, и частные понятия о предметах. Так, в предложении «*Красота спасет мир*» выделенное слово переходит на уровень речи в неограниченном объеме понятия, а в высказывании «Я восхищаюсь *красотами* Крыма» это же слово актуализировано в частичном объеме понятия. В английском языке подобные различия сигнализируются формаль-

ными средствами — с помощью артиклей или их отсутствия (*Beauty will save the world; I admire the beauty of the Crimea*). Кстати, содержание самих артиклей на уровне языка и речи идентично.

Аналогичным образом актуализируются частные и системные значения производных слов. Ср.: (1) Мы изучаем проблемы *управления*; (2) *(У)правление* решило эту проблему. (3) This book is concerned with *management*; (4) *The management* solved the problem. В примерах 1 и 3 сохраняются системные значения как мотивирующих основ производных существительных, так и формантов. Соответственно, значения этих же непосредственно составляющих в примерах 2 и 4 выражают частичные понятия, выведенные на основе системных.

Следовательно, проблема соотношения единиц содержания на уровне языка и речи прежде всего сводится к соотношению общих и частных понятий. При этом крайне важно понимать, что так проблема решается в отношении понятий о любом предмете или явлении, ибо непременным свойством мышления является формирование общего или частного концепта **в каждом** словоупотреблении на фоне потенциальной возможности формирования и того, и другого. В реальных условиях это зависит от потребностей конкретных актов коммуникации — если речь идет о конкретных предметах, расхождение (незеркальность) единиц содержания между двумя уровнями будет значительным, и, наоборот, в рассуждениях об обстоянии дел в общих ситуациях подобное расхождение будет стремиться к минимуму.

И, наконец, несколько замечаний о том, как предстает явление многозначности в свете сказанного выше. Наличие нескольких значений у некоей лингвистической формы может служить отправным пунктом противоположных интерпретаций. Так, в рамках традиционного подхода многозначность предстает скорее как процесс индивидуального творчества. Имея дело с многозначной языковой формой, носитель языка в каждом

случае ее употребления придает ей такие интегральные и дифференциальные компоненты, которые оправдывают *raison d'être* актуального значения на фоне остальных ЛСВ того же слова в данном контексте. Таким образом, процесс семизиса приобретает «открытый» характер как обеспечивающий для каждого ЛСВ потенциал быть реализованным от некоего круга значений и, в свою очередь, мотивировать другие ЛСВ по индивидуальным механизмам.

Прототипический подход намечает иную перспективу. Поскольку генетически все ЛСВ являются продуктом актуализации в результате референции, т. е. наложения на различные речевые ситуации одного и того же концепта — инварианта, то каждый осмысливается как частная реализация этого концепта — лексического прототипа. Тем самым наблюдается определенное «запрограммированное разнообразие», которое на интуитивном уровне ограничено необходимостью оставаться в рамках системного содержательного ядра полисеманта. Самоконтроль с тем, чтобы в любых условиях категоризации и номинации оставаться в пределах этих рамок, позволяет коммуникантам формировать значения, не порывающие с содержательным ядром слова, что дает возможность, по образному выражению Ю. С. Степанова, отличить предмет и значение слова «петух» от «кошки»²³. Все это перекликается с представлениями С. Карцевского о том, что система языка включает «знаки автономные», т. е. «остающиеся тождественными самим себе» в любых условиях²⁴.

В заключение следует упомянуть некоторые практические аспекты рассматриваемых проблем. Поскольку, как было показано, изучение семантической структуры многозначного слова как самостоятельной единицы имеет лишь теоретическое значение, исследования этой проблематики могут внести полезный вклад и в теорию, и в практику, если внимание будет обращено на то, что можно назвать «границами» лексического значения. Поскольку «границы» ННЗ

многозначных слов конкретных языков уже неоднократно служили объектом изучения, то идентификация их содержательных ядер (дальнейших лексических прототипов), помимо удовлетворения теоретических интересов, прольет свет на реальный объем информации, связанной с формой слова или словосочетания и проходящей в единицу времени в ходе коммуникации.

Использование принципов прототипической семантики может существенно изменить методику преподавания иностранного языка. В отличие от традиционных методов ознакомления учащихся с семантикой полисеманта с помощью постепенного перебора всех ЛСВ с иллюстрацией языковых контекстов и последующего заучивания тех и других, новый

подход опирается на демонстрацию ближайшего и дальнейшего лексических прототипов изучаемого слова. Далее следует обучение работе с ними в различных речевых контекстах. Если традиционный подход опирается в основном на память, то второй — на обучение интерпретации когнитивных образов и абстрактных концептов в терминах лексики изучаемого языка и картины мира.

Появляется возможность создания учебных (например, русско-английских) словарей, в которые будут включены лексические прототипы в качестве значений лексем (вокабул). Это освободит преподавателей и исследователей от необходимости самостоятельного вывода содержательного ядра изучаемых слов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мамардашвили М. К. О призвании и точке присутствия // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М., 1999. С. 106, 112, 115.

² Калиниченко В. В. Об одной попытке «децентрализовать» Мераба Мамардашвили // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М., 1999. С. 157.

³ Winter S. L. Transcendental nonsense, metaphor reasoning, and the cognitive stakes for law // University of Pennsylvania Law Review. 1989. Vol. 137. P. 1105–1237.

⁴ Фрумкина Р. М. «Куда нам плыть?» // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. Вып. 1. М., 1996, С. 76.

⁵ Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая машина // НЗЛ. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М., 1983. С. 446.

⁶ Там же. С. 408.

⁷ Там же. С. 409.

⁸ Там же. С. 411.

⁹ Там же. С. 412.

¹⁰ Там же. С. 407.

¹¹ Там же. С. 409, 410.

¹² Там же. С. 415, 421.

¹³ Мамардашвили М. К. Цитир. раб. С. 109, 110, 112.

¹⁴ Брудный А. А. Значение слова и психология противопоставления // Сематическая структура слова. М., 1971. С. 19–27.

¹⁵ Шенк Р., Лебовиц М., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая машина // НЗЛ. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М., 1983. С. 408.

¹⁶ Там же. С. 447.

¹⁷ Lipka L. An Outline in English Lexicology. Tubingen, 1992.

¹⁸ Архипов И. К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // Studia Linguistica. № 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб., 1998. С. 5–22.

¹⁹ Левчина И. Б. К исследованию сематической структуры английского прилагательного hot // Studia Linguistica. № 11. Проблемы когнитивной семантики. СПб., 2002. С. 81–84.

²⁰ Архипов И. К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // Studia Linguistica. № 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб., 1998.

²¹ Там же.

²² Архипов И. К. Природа и диапазон сематического варьирования слова: к проблемам прототипической семантики // Современные проблемы теории языка. СПб., 2000. С. 36.

²³ Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация (Общие вопросы), М., 1977. С. 297.

²⁴ Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965. С. 85, 90.

I. Arhipov

COMMUNICATIVE TIME TROUBLE AND PROTOTYPICAL SEMANTICS

The paper deals with a hypothesis of the lexical prototype, or the semantic core of a polysemous word. The phenomenon and its function are discussed in terms of on-line actualization of lexical units. It is suggested that lexical prototypes function in the lexicon as the «best representatives» of the words.